

**Б. А. САДОВСКОЙ О ФЕТЕ,
ИЛИ КАК НЕ СОСТОЯЛАСЬ КНИГА
«А. А. ФЕТ. ЖИЗНЬ И ТВОРЕНИЯ» (1913)**

Борис Александрович Садовской (наст. фамилия Садовский; 1881–1952), известный литературный деятель Серебряного века — поэт, прозаик, драматург, критик символистов и историк литературы.¹ Приверженность к Золотому веку определила направление литературных занятий Садовского — он стал одним из первых исследователей биографии и творчества Фета, которого боготворил наравне с Пушкиным, был страстным коллекционером книг, писем и автографов поэта. В мемуарах современников личность Садовского прочно увязывалась с именем благоговеино любимого им Фета. Так, Андрей Белый вспоминал: «Часто являлся в „Весы“ к нам поджарый, преострый студентик <...> Борис Садовской, мальчик с нравом, с талантами, с толком, „спец“ в технике ранних поэтов и боготворитель поэзии Фета <...>».²

В воспоминаниях С. Н. Дурылина, близко знавшего поэта по Обществу свободной эстетики, Садовской предстает «в сюртуке, в лако-

¹ *Шумихин С. В.* Садовской Борис Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 445–450. См. также: *Крейд В.* Библиография Бориса Александровича Садовского (1881–1952) // *Russian Language Journal*. 1990. Vol. 44. N 147/149. P. 313–335; «От сердца я излил благое слово...» (К 130-летию со дня рождения Бориса Александровича Садовского): Биобиблиографический указатель / Сост. Л. В. Губина. Нижний Новгород, 2011.

² *Белый А.* Собр. соч. Начало века. Воспоминания / Общ. ред., послесл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2017. С. 368–369. Садовской, приглашенный в «Весы» В. Я. Брюсовым, активно сотрудничал в журнале (1904–1909), помещая здесь прозу, рецензии и др. (см.: *Соболев А. Л.* Весы. Ежемесячник литературы и искусства: Аннотированный указатель содержания. М., 2003).

Б. А. Садовской.
Фотография Д. Здобнова. Петербург, 1913 г.

вых штиблетах, тонкий, изящный, обритый наголо — и немножко персонаж с бала из „Горя от ума“ или с того бала, на котором Онегин увидел Татьяну».³ «Его богом был Пушкин, — отмечает Дурьлин, —

³ Дурьлин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 785. Ф. А. Степун схожим образом вспоминал о Садовском: «Очень изящный, лет на 80 опоздавший рождением человек, — с бритым лицом, безволосым черепом и старомодно-торжественным сюртуком, живо напоминавший Чаадаева» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.: СПб., 1995. С. 212).

его полубогом был Фет. Их он почитал беззаветно и преданно. / Какая жалость, что он так и не написал книгу о Фете, которого знал превосходно». В стихотворном посвящении Садовскому, повествуя о своих визитах к нему, он отметил его глубокий и постоянный интерес к биографии поэта: «А там — за стол подсядут Фет / И Александр Сергеевич Пушкин. <...> // Иль занят с Фетом вместе он / Кавалерийскою разведкой, / А враг, Некрасов, поражен / У Воробьевки пулей меткой».⁴ Фет для Садовского на протяжении всей жизни оставался «первым после Пушкина русским поэтом», равного которому «по необъятной мощи гения», не считая Лермонтова, «в нашей лирике не было и нет».⁵ Себя Садовской ощущал наследником Пушкина и Фета.

Ходасевич, друг и многолетний корреспондент Садовского, писал в рецензии на его сборники «Позднее утро» (М., 1909) и «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913): «В стихах Бориса Садовского для читателя внятно биение крови многих поколений русских поэтов, от Державина до Валерия Брюсова», но порой «кажется, что для него русская поэзия кончается даже не Брюсовым, а только Фетом».⁶ Литературный портрет Садовского 1910-х годов оставил К. И. Чуковский, также отметивший культ Фета в жизни поэта: «Большой любитель и знаток старины, он усердно стилизовал себя под человека послепушкинской эпохи <...> На него надвигались две мировые войны и величайшая в мире революция, а он пытался отгородиться от этого неотвратимого будущего идиллическим своим „Самоваром“ (сборник стихов, поэтизирующих тему патриархальных посиделок у самовара. — С. И.), стихами своего боготворимого Фета, бисерными кошельками, старинными оборотами стилизованной речи. Конечно, здесь была и литературная поза, но было и подлинное — сознание своей обреченности».⁷

⁴ Цит. по: *Дурьилин С.* Борис Садовской. Шесть стихотворений / Публ. и коммент. М. Ю. Гоголина и А. И. Резниченко // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы / Сост. А. И. Резниченко. М., 2014. С. 388, 389.

⁵ *Садовской Б.* Русская Камена. Статьи. М., 1910. С. 141.

⁶ *Ходасевич В. Ф.* Русская поэзия. Обзор (1914) // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2: Критика и публицистика 1905–1927. С. 138. На основании ложного известия о смерти друга Ходасевич писал в некрологе, опубликованном в парижских «Последних новостях» 3 мая 1925 г. (№ 1541): «Наиболее ценными мне представляются его работы над неизученными черновиками Фета»; важной «причиной его неладов с литераторами были политические тяготения Садовского. <...> любил он подчеркивать свой монархизм, свою крайнюю реакционность», вероятно, тут «им руководило скорее эстетическое любование старой, великодержавной Россией, даже влюбленность в нее», нежели «серьезно обдуманное политическое мировоззрение» (*Ходасевич В.* Памяти Б. А. Садовского // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem, 1981. Vol. 5–6. С. 491–493).

⁷ *Чуковский К. И.* Современники: Портреты и этюды. М., 1962. С. 668.

Литератор К. Г. Локс вспоминал: «В „Весех“ он печатал бойко написанные, главным образом ругательные, рецензии и собирал материалы к биографии Фета. Под биографией он понимал собрание интимных мелочей из жизни поэта и, наткнувшись на какой-нибудь, по его мнению, загадочный факт, не мог успокоиться, пока не добирался до какой-нибудь легенды». По словам Локса, «не будучи символистом и в глубине души считая Белого сумасшедшим», Садовской между тем «все-таки состоял при символистах. Этому помог все тот же Фет. „Вечерние огни“, по мнению Садовского, были подлинно символическими стихами. Но все это были пустяки по сравнению с его концепцией современной России. Все шло к гибели <...> после освобождения крестьян». Вспоминал мемуарист и о том, что «одновременно с материалами к биографии (Фета. — С. И.) собирал анекдоты о Николае Павловиче. Это был его кумир». Собственные стихи Садовского, по его мнению, «были сделаны довольно искусно, но слишком выдавали свое происхождение, от того же Фета».⁸

В 1910 году Садовской, «вечный» студент Московского университета,⁹ но уже известный в литературных кругах поэт и критик «Весов», становится сотрудником московского символистского издательства «Мусажет». «...Туда пригласил меня Андрей Белый, — вспоминал он свое первое посещение. — Редакционный кружок состоял главным образом из теософов, поклонников Штейнера. <...> На стенах портреты Гёте, Шиллера, Канта, Толстого, Соловьева и прочих русских и немецких писателей».¹⁰ Вероятно, планомерное и основательное изуче-

⁸ Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907—1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. 1994. № 15. С. 57—58.

⁹ В Московском университете на отделении словесности Садовской учился с 1902 по 1911 гг., но курс так и не окончил. «Я по природе романтик. В университетские стены, — вспоминал он, — влекло меня не настоящее, а прошлое. Я чувствовал себя современником Фета и Аполлона Григорьева» (Садовской Б. Записки (1881—1816) / Публ. С. В. Шумихина // Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 147. Далее сокращенно: *Записки*, с указанием страницы). Публикатор отметил в предисловии, что «Записки» Садовского — «в значительной степени литературное произведение, ориентированное на особый „мемуарный“ жанр»; по своему характеру они «более всего напоминают воспоминания боготворимого автором А. А. Фета» (С. 106). См. также: Ровесник «Серебряного века» («Записки» Б. А. Садовского) / Публ. С. В. Шумихина // Встречи с прошлым: Сб. материалов ЦГАЛИ. М., 1988. Вып. 6. С. 116—131.

¹⁰ *Записки*. С. 164. «Я по совести, — признавался поэт, — никак не могу считать себя символистом: я — классик пушкинской школы, затесавшийся случайно в декадентскую компанию...» (цит. по: Садовской Б. А. «Весь» (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. № 13. С. 8). Дружеская атмосфера «Мусажета» показана Садовским в стихотворении <<Гнездо „Мусажета“>>, написанном размером элегического дистиха:

ние Фета началось в 1905—1906 годах,¹¹ а уже в 1910 году Садовской читает курс по поэзии Фета на семинарах в издательстве «Мусагет», основанном годом ранее Эмилием Метнером.

Вскоре в издательстве вышел первый сборник историко-литературных статей Садовского «Русская Камена» (М., 1910), составленный из восьми очерков о поэтах XVIII—XIX веков. Один из лучших очерков, завершающих книгу, был посвящен Фету и начинался с громкого обвинения, брошенного автором критике и обществу: «Вот поэт, о котором русская художественная критика и не умела, и не хотела ничего сказать. Сам по себе тот факт, что Россия целиком прозевала Фета, — страшен: он заставляет усумниться в праве нашем на национальное бытие. Не говорим уже о вопиющей черной неблагодарности общества к великому поэту: творения его не только не были приняты с должным благоговением, — они оплевывались гражданами-журналистами до самых последних дней».¹² В этом очерке, заложившем начало научного осмысления творческого наследия поэта, Садовской сформулирует важнейшие свойства фетовской поэзии, их органическое родство с пушкинской. Сопоставляя два равновеликих для себя имени, он открыто декларирует: Фет силой духа «преодолеывает и смерть, и время, и самую вечность; он никогда не жалуется и не боится. До него такой ясной примиренностью с жизнью, такого умения владеть ею достигал в русской поэзии только Пушкин».¹³

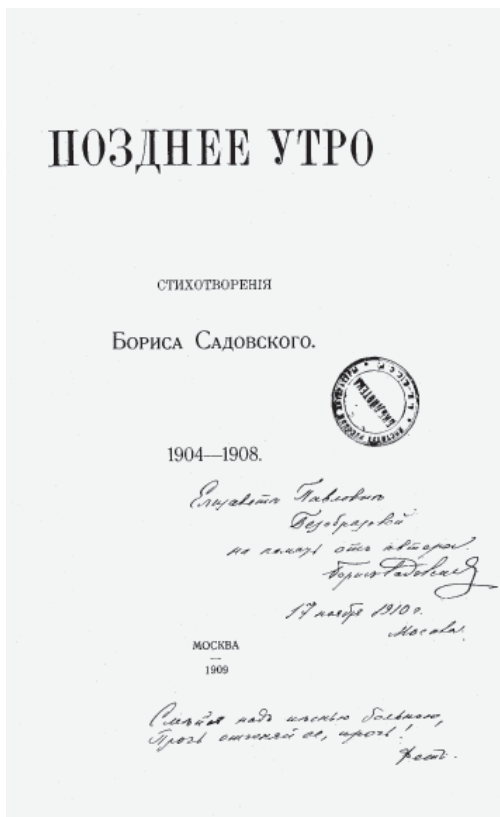
Эстетическая составляющая личности Фета, его творчества и мироощущения, имевших исключительное значение в становлении Садовского как литератора, в его литературной и публицистической презентации носила разносторонний и устойчивый характер: осмысление многочисленных явных и неявных рецепций и перепевов в стихах,

«В корчах скончались „Весы“, истомленные злою чахоткой <...> / Новую жизнью кипит им на смену гнездо „Мусагета“ <...> / С Метнером Белый грядет: други, за дело пора» (*Записки*. С. 181—182).

¹¹ Весной 1921 г. Садовской в письме к начинающему фетоведу Г. П. Блоку (неизв.) признавался, что «влюблен» в Фета «уже 15 лет» (см.: Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921—1922) / Публ. и коммент. С. В. Шумихина // Наше наследие. М., 2007. № 83/84. С. 92; продолжение см.: Там же. 2008. № 85. Далее сокращенно: *Письма Блока к Садовскому*, с указанием номера выпуска и страницы).

¹² Садовской Б. Русская Камена. С. 141. Хлесткая фраза вошла в литературный обиход русской эмиграции и вызвала полемический ответ П. Б. Струве, приуроченный к сорокалетию со дня смерти поэта: «О Фете — прозевала ли Россия Фета?» (*Струве П. Б. Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе*. Paris, 1981. С. 224—231). Некоторым эта оценка Садовского показалась экзотической.

¹³ Садовской Б. Русская Камена. С. 150.

Сборник Б. Садовского «Позднее утро» (М., 1909).
Титульный лист с дарственной надписью Е. П. Безобразовой

стилизированных под любимого поэта, могло бы стать предметом отдельного исследования. В предисловии к первому сборнику стихов «Позднее утро» (М., 1909) Садовской, причисляя себя к поэтам пушкинской школы, признавался: «Основные черты моего творчества были бы намечены не с должной ясностью, если бы я забыл упомянуть имя Фета» (С. 3). Не случайно к одному из разделов этого сборника («1906»), полностью построенного на эпитафиях из Пушкина, предислан эпитаф из Фета: «Как мошки зарею...»: «С любимой мечтою / Не хочется сердцу расстаться».¹⁴ Посредством эпитаф Садовской выстраивает, как обоснованно считает исследователь, «нео-пушкинское направление поэзии — от Пушкина через Фета к Брюсову», кото-

¹⁴ См.: Садовской Б. Позднее утро. Стихотворения 1904—1908. М., 1909. С. 31.

рое оказалось вписано и «растворено в художественной ткани» его собственных стихов.¹⁵

Сборник стихотворений «Пятьдесят лебедей. Стихотворения. 1909—1911» оказался целиком навеян Фетом. В самом названии использовано стихотворение поэта, посвященное юбилею А. Н. Майкова («Пятьдесят лебедей пронесли / С юга вешние крики в полесье...», 1888). Даже структурно каждое стихотворение сборника корреспондирует с одним из стихотворений Фета, а именно — в книге 50 стихотворений, расположенных в оглавлении по алфавиту, а в тексте по хронологии; эпитафии к разделам (по годам), вкупе с эпитафией ко всей книге, образуют целиком фетовское стихотворение «Если захочешь ты душу мою разгадать...» («Е. Д. Д<ункер>ъ», 1888): «1909: Можно ли трезвой то высказать силой ума...» (С. 5); «1910: Я назову лишь цветок, что срывает рука...» (С. 35); «1911: Я расскажу, что тебя беспредельно люблю...» (С. 69). Эта смысловая игра эпитафиями нуждается в исследовании и разгадке.¹⁶ У Садовского было особое отношение к эпитафиям, частое использование им фетовских эпитафий и их неоднозначная функция отмечались и ранее.¹⁷

Много рецензируя в изданиях «Весы», «Труды и Дни», «Золотое Руно», Садовской не упускал возможности с восторгом поговорить о Фете и его поэзии или защитить его от прошлых и настоящих нападок критики. Так, в рецензии на «Отклики» Н. К. Михайловского (СПб., 1904. Т. 1—2) Садовской писал: «Полемические приемы Михайловского несложны. Кроме дешевого и грубоватого зубоскальства — прямого наследия журналистики шестидесятых годов <...> — у него заметна склонность к ядовитым и не совсем скромным намекам <...>». Так, он «с нескрываемым презрением и ненавистью писал

¹⁵ См.: *Гуменная Г. Л.* Пушкинские эпитафии в сборнике Б. А. Садовского «Позднее утро» // Болдинские чтения 2016. Нижний Новгород, 2016. С. 228—229.

¹⁶ См.: *Садовской Б.* Морозные узоры: Стихотворения и письма. М., 2010. С. 91 (сер.: Серебряный век. Паралипоменон). См. также: Маргиналии собирателя: Борис Садовской. № 1—8 — <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/241395.html>; № 9—15: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/241536.html>; дата обращения: 24.03.2021. *Боткина* Елизавета Дмитриевна (в перв. браке Дункер, во втор. Шукина; 1859—1938), племянница жены Фета Марии Петровны, дочь ее брата Дмитрия Петровича Боткина. В январе 1888 г. Фет подарил ей третий выпуск «Вечерних огней» с надписью в виде стихотворения «Если захочешь ты душу мою разгадать...» (см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 291—330).

¹⁷ Об эпитафии к сборнику «Русская Камена» см.: *Сорочан А. Ю.* Фет и Садовской: *Загадка одного эпитафия* // Афанасий Фет и русская литература: XX Фетовские чтения / Под ред. Н. З. Коковиной, М. В. Строганова. Курск, 2006. С. 127—132.

о стихах помещика Фета», «брался судить таких гениальных поэтов, как Фет, с точки зрения „общественной пользы“», в результате «великий поэт был „разделан“ с беспощадною <...> свирепостью, и не столько за стихи, сколько за „отсталость“ своих политических и литературных взглядов». Фет — «o sancta simplicitas (о святая простота — лат. С. И.), — оказывается, потому только писал об „исцелении от муки“, что у него не было другой более подходящей рифмы к слову „звуки“». ¹⁸

В другой статье, приводя «неисчислимы» грехи старой публицистической критики, Садовской отмечал, что она «в личности Фета учила видеть чуть ли не Собакевича». ¹⁹ Значительная часть рецензии на книгу А. Н. Пыпина «Н. А. Некрасов» (СПб., 1905) оказалась посвящена Фету и его воспоминаниям: «О Фете у нас укоренилось мнение, как о диком крепостнике-помещике старого закала, кулаке-хозяине, который преследовал мужиков, а сам копил между тем втихомолку деньги, сочиняя звучные, но бессодержательные стихи. Очень немногим из нашей публики известно даже то, что Фету принадлежит замечательная книга, подобной которой кроме „Писем Пушкина“ нет в русской литературе, — это его „Воспоминания“. Здесь целиком является сам Фет на фоне своей эпохи: во весь рост вырисовывается этот исключительный характер, сильный, благородный, в высшей степени оригинальный, никогда не боявшийся ничьих суждений и подчинявшийся во всем лишь собственной воле. „Воспоминания“ написаны удивительно: одним и тем же языком, эпически-спокойно <...>. Ничего литературского, сочиненного; как будто перед нами рассказывает свою жизнь человек, отроду не бравший пера в руки». ²⁰

Даже в оценках современной поэзии Садовской-критик не упускал случая поговорить о Фете и вписать ее в фетовскую шкалу ценностей. Так, в рецензии на сборник Сергея Городецкого «Цветущий посох» он отметил, что замысел автора дать «вереницу восьмистиший» отзывается «надуманностью»: «Восьмистишие вообще — труднейшая форма: это миниатюра, в которую приходится уписать целую картину на клочке. Такой мастер слова, как Фет, лишь в самые последние годы жизни прибегал к восьмистишию <...> Но у Фета эти восьмистишия вырывались неожиданно, по вдохновению, и оттого они так прекрасны». ²¹ Анализируя в 1915 году современных «народных поэтов», Садовской утверждал, что «будущее поэзии русской», действительный

¹⁸ См.: Критика русского символизма: В 2 т. / Сост., вступит. ст., прамбулы и примеч. Н. А. Богомолова. М., 2002. Т. 1. С. 370—371.

¹⁹ Садовской Б. О старой и новой критике // Там же. С. 374.

²⁰ Весы. 1905. № 4. С. 56.

²¹ Северные записки. 1914. Май. С. 175. Цит. по: Андреева И. П. «Чукоккала» и около // De Visu. 1994. № 1—2 (14). С. 61.

122

ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛЕБЕДЕЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

БОРИСА САДОВСКОГО

1909–1911

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1913

Сборник Б. Садовского «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913).
Обложка

КНИГИ БОРИСА САДОВСКОГО.

- Позднее утро. Стихотворения 1904—1908. Москва. 1909.
- Пятьдесят лебедей. Стихотворения. Книга вторая. 1909—1911. К-во „Огни“. СПб. 1913.
- Узоръ чугунный. Рассказы.
(Черты изъ жизни моея.—Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ.—Петербургская ворожея.— Праздничный день поручика Матрадурова.— Погибшій пловецъ.—Сынъ бѣлокаменной Москвы.— Изъ бумагъ князя Г.) К-во „Альциона“. Москва. 1911.
- Адмиралтейская игла. Повѣсти и рассказы.
(Стрѣльченокъ.—Двуглавый орелъ.—Подъ Павловымъ щитомъ.—Измайловскій часовой.— Великодушный женихъ.— Лебединые клики.—Яблочный царекъ.) Готовится.
- Русская Камена. Статьи.
(Г. Р. Державинъ.—Д. В. Давыдовъ.—Д. В. Веневитиновъ.—А. И. Полежаевъ.—В. Г. Бенедиктовъ.—Л. А. Мей.—Я. П. Полонскій.—А. А. Фетъ). Съ восемью портретами. К-во „Музагета“. Москва. 1910.
- Ледоходъ. Исследования.
(Четыре смерти.—Н. М. Языковъ.—Трагедія Лермонтова.—Салонъ А. О. Смирновой.— Николаевская эпоха.—Оклеветанная тѣня и др.). Готовится.
- А. А. Фетъ. Жизнь и творения.
Съ приложеніемъ хронологической каввы. Готовится.
- Цветной занавѣсъ. Пьесы и монологи.
(Мальтійскій рыцарь.— Кавалеристъ-дѣвица.— Камеристка.—Пушкинъ въ Москвѣ.—Репетилловъ въ Петербургѣ.—Репетилловъ въ Москвѣ.—Романтикъ). Готовится.

Анонс книг Б. Садовского, помещенный на обороте титульного листа сборника «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913)

«шаг вперед» возможны только «в союзе с наследниками Пушкина и Фета».²² Настойчиво защищал Садовской Фета и от возможных обвинений в самоубийстве: «Наш поэт не был самоубийцей, хотя, как видно из предсмертной записки, имел твердое намерение покончить с собой из-за невыносимых страданий. В этом намерении ему помешала сама смерть».²³

Вероятно, первая научная публикация по Фету — «„Легенда“ и „Ива“ (История двух стихотворений Фета. Из материалов к его биографии)» — вышла в 1910 году и позже была включена автором в сборник «Ледоход».²⁴ Творчеству и биографии поэта посвящено несколько собранных в этой книге статей (большая часть сборника), изданной иждивением автора. Однако малоизвестен и малоизучен тот факт, что к концу 1913 года исследователь в полном объеме подготовил рукопись еще одной книги — фактически Летописи жизни и творчества поэта, предназначенной для издательства «Мусагет».²⁵ Сведения о ней мы находим в анонсе на обороте титула сборника «Русская Камена» (1910): «Книги Бориса Садовского: <...> А. А. Фет. Жизнь и творения. С приложением хронологической канвы (Готовится)», в начале сборника рассказов «Узор чугунный» (М., 1911. С. <IV>), сборников «Пятьдесят лебедей» (1913), «Полдень. Собрание стихов. 1905—1914» (Пг., 1915) и «Озимь: Статьи о русской поэзии...» (Пг., 1915), а также на задней обложке «Ледохода» (Пг., 1916), где указано, что книга «печатается». Однако проект по ее изданию так и не был реализован, между тем устойчивые упоминания и слухи о якобы вышедшей в свет книге привели к курьезу: в известном словаре Е. Ф. Никитиной эта составленная Садовским фактически первая Летопись жизни и творчества поэта указана как вышедшая в 1917 году под названием «Русская Камена. Фет. Жизнь и творения. Хронологическая канва».²⁶

История несостоявшегося в «Мусагете» издания реконструируется по письмам Садовского. 2 июля 1912 года, сообщая Е. А. Ляцкому,

²² См.: Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 144. Далее сокращенно: *Ледоход*, с указанием страницы.

²³ Садовской Б. Кончина А. А. Фета (21 ноября 1892 г. По неизданным источникам) // *ИВ*. 1915. Т. 140. № 4. С. 153; см. также вариант этой статьи: *Ледоход*. С. 81.

²⁴ См.: *Ледоход*. С. 57—62 (впервые: Речь. 1910. 22 ноября).

²⁵ Воспоминания Садовского об издательстве «Мусагет» см.: *Затиски*. С. 181—182.

²⁶ См.: Никитина Е. Ф. Русская литература от символизма до наших дней: Литературно-социологический семинарий / Предисл. Н. К. Пиксанова. М., 1926. С. 386. Как о вышедшей книге о ней сообщается: Владиславлев И. В. Русские писатели: Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе XIX—XX ст. 4-е, перераб. и знач. доп. изд. М.; Л., 1924. С. 99.

редактору петербургского журнала «Современник», о просмотренной корректуре статьи «Проза Фета», он просит поторопиться со сдачей в издательство «Огни» книги «Пятьдесят лебедей» и добавляет: «Осенью у меня, оказывается, будет столько работы (по изданию рассказов и подготовке монографии о Фете для издательства „Мусагет“), что с книжкой стихов очень хотелось бы разделаться теперь же».²⁷ Не исключено, что «монография» о Фете (скорее всего, это была та самая книга «А. А. Фет. Жизнь и творения»), если и не была заказана, то, вероятно, обсуждалась в связи с планами издательства, в том числе финансовыми. Уже 1 октября 1912 года Садовской отчитывается перед главой издательского дома Э. К. Метнером: «Моя книга о Фете подвигается понемногу. Весной думаю представить рукопись ее на Ваше усмотрение, — быть может, „Мусагет“ найдет возможным издать ее».²⁸

Известно, что к концу 1913 года книга была окончательно составлена. 16 сентября того же года Садовской писал секретарю издательства, библиофилу Н. П. Киселеву: «Книга о Фете почти готова. Могу представить ее „Мусагету“ в декабре, с тем чтобы немедленно начать печатать. Надеюсь, вы не забыли представительство за нее перед Эмилием Карловичем (Метнером. — С. И.). Жду от Вас подробного сообщения о судьбе книги. Я приготовить могу ее и раньше, если понадобится. Выйдет, похоже, неплохо».²⁹ На следующий день Киселев сообщил Метнеру содержание этого письма.³⁰ 7 октября Метнер ответил Садовскому: «Дорогой Борис Александрович! Вы знаете, как мне хочется видеть Вашу работу о Фете напечатанной у нас. Но „Мусагет“ как раз теперь обременен — не по средствам <...> предстоят близкие платежи за уже напечатанное. Конечно, Ваша книга *должна* быть напечатана. Если Вы никого не имеете в виду, кто мог бы это сделать, то в конце концов это сделает „Мусагет“. Но спешить с этой книгой мы пока не можем. Выпустить ее (в случае благоприятных денежных обстоятельств) мы могли бы только 1914 осенью. Вопрос о гонораре нас в данный момент очень смущает. Сообщите свои минимальные ожидания. Сделаю все, что смогу. Надеюсь, что Вы не сомневаетесь в ис-

²⁷ См.: *ИРЛИ*. Ф. 163. Оп. 2. № 445. Л. 3 об.

²⁸ Цит. по: *Кондратьев* А. А. Письма к Б. А. Садовскому / Публ. и примеч. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // *De Visu*. 1994. № 1–2 (14). С. 37. Далее сокращенно: *Кондратьев*, с указанием страницы. Историю деятельности издательства, его программу и полный список изданий см.: *Толстых* Г. А. Издательство «Мусагет» // Книга: Исследования и материалы. М., 1988. Сб. 56. С. 112–133.

²⁹ Цит. по: Книгоиздательство «Мусагет». С. 391 (*РГБ*. Ф. 167. К. 14. № 18. Л. 43).

³⁰ См.: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/241395.html>; дата обращения: 24.03.2021.

кренности моего желания издать Вашу книгу в „Мусагете“». ³¹ Получив ответ Метнера, 11 октября Садовской обратился к нему напрямую: «Я и не предполагал особенно спешить с книгой и согласен отложить ее печатанье до осени. Мне важно, чтобы издал ее именно „Мусагет“, и, чтобы Вы не сомневались, как мало значит для меня материальная сторона дела в данном случае, я готов удовольствоваться каким угодно гонораром. В крайнем случае, откажусь совершенно от денег, только бы книга была издана прилично, изящно и хорошо. Я достал много новых материалов, много неизвестных стихов Фета и смею надеяться на получение за нее академической премии». ³² Ответ Метнера неизвестен.

Безусловно, события Первой мировой войны повлияли на издательские приоритеты, в которых не нашлось места Летописи Фета. Возможно, издание не состоялось по нескольким причинам: этому препятствовали и финансовые трудности Метнера, и издательский кризис «Мусагета», и само направление издательства, специализировавшегося преимущественно на поэзии символистов и мистической литературе, наконец, прекращение руководством и окончательный отъезд Метнера в Германию (1914). «Мусагет» просуществовал до 1917 года, и в дальнейших планах издательства книга Садовского уже не числилась. Несомненно одно: готовая книга существовала, продолжала пополняться и, возможно, была известна друзьям и знакомым. Так, 24 марта 1915 года поэт А. А. Кондратьев, на правах друга, посвященного в работу Садовского, интересовался: «Как подвигается Ваша книга о Фете? Она должна будет произвести впечатление. Можно поручиться, что <А. А.> Измайлов напишет о ней доброжелательный отзыв». ³³ А еще через полтора года, 13 октября 1916 года, уверенный в существовании изданной летописи, просит Садовского подарить ему «экземпляр книги о Фете». ³⁴

Имеются свидетельства, что поэт «не прекращал работать» над книгой «по крайней мере до конца 1920-х гг.». ³⁵ Между тем в сохранившихся документах из его личного архива (*РГАЛИ*. Ф. 464; *РГБ*. Ф. 669)

³¹ См.: *РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 1. № 92. Л. 3.

³² *Кондратьев*. С. 37. См. также: *Садовской Б. А.* «Весы» (Воспоминания сотрудника). С. 10. Поддавшись устойчивому анонсированию книги, о несуществующем фактически издании как необходимом ему руководстве в работе над биографией поэта писал Садовскому 20 января 1921 г. молодой исследователь Г. П. Блок (*Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 89; см. об этом далее).

³³ *Кондратьев*. С. 23.

³⁴ Там же. С. 24. По мнению публикатора, речь идет «все о той же неизданной» книге «А. А. Фет. Жизнь и творения» (С. 38).

³⁵ См. коммент. к статье: *Дурьлин С.* Борис Садовской. С. 391.

рукопись книги отсутствует, местонахождение ее остается неизвестным. Вероятно, потеряв надежду издать ее целиком, Садовской начал публиковать из нее отдельные сюжеты, при этом настаивая на документальном, а стало быть, научном характере своих разысканий. В статье «Кончина А. А. Фета (По неизданным источникам)», пристроенной в «Исторический вестник», он отмечал: «...мы даем более обширные сведения, впервые собранные нами устно от современников и осведомленных лиц».³⁶ Понятно, что только незначительная часть материала из подготовленной книги — ряд биографических заметок, документов и писем, а главное, ценнейшее описание рукописей Фета по рабочим тетрадям поэта — вошла в сборник «Ледоход», не утративший (как и сборник «Русская Камена») своей источниковедческой и научной ценности по сей день.³⁷

Одной из причин невыхода в свет объявленной книги могла стать болезнь — паралич и потеря подвижности в 35 лет: с 1916 года и до конца жизни Садовской был прикован к инвалидному креслу. Вплоть до 1929 года, лишенный возможности передвигаться, он был вынужден жить в доме родителей в Нижнем Новгороде, вдали от общения, поездок, столичных библиотек и архивов, что, конечно, не способствовало дальнейшей работе над пополнением Летописи. Вероятно, были и другие причины, связанные с активной вовлеченностью в фетовскую биографику и его творчество новых, молодых исследователей.

³⁶ См.: *ИВ*. 1915. Т. 140. № 4. С. 148. См. также: Неизвестная статья Бориса Садовского «Четыре смерти» / Вступит. ст. и публ. текста И. П. Андреевой // *Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета* / Под ред. Г. А. Космолинской. М., 1997. С. 191—193. 21 марта 1914 г. на заседании московского Общества поэтов Садовской выступил с чтением доклада «Кончина А. А. Фета (по неизданным источникам)» (см.: *Пяст Вл.* Встречи / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 346 (сер.: Россия в мемуарах)).

³⁷ Основные статьи раздела «Foethiana» в этой книге: «А. А. Фет в Верро», «Тургенев о Фете», «Пасквильные акrostихи», «Эпиграммы на А. А. Фета», «Описание рукописей А. А. Фета» (в примечании к этой статье Садовской поблагодарил Б. В. Никольского, в чьем распоряжении находились черновые рукописи Фета, «за дозволение воспользоваться ими» (*Ледоход*. С. 187)), «Юбилей А. А. Фета» и др. В разделе «Статьи»: «Любовь в жизни и поэзии Фета», «Фет — прозаик» (впервые под названием «Проза Фета. Очерк»: *Современник*. 1912. Кн. 7. С. 351—358), «Кончина А. А. Фета» и др. Частью Летописи была, вероятно, и статья Садовского «Фет в портретах» (1915—1921), посланная Г. П. Блоку и увидевшая свет лишь в 2008 г. в журнале «Наше наследие» (№ 85). См. также: Первая рабочая тетрадь Фета (1854—1859). Научное описание. Ч. 1 / Публ. В. А. Лукиной // *ФетСб(3)*. С. 625—627; *Вайдман П. Е., Генералова Н. П.* Неожиданная находка (Тетрадь стихотворений Фета в Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину) // *ФетСб(2)*. С. 710—711.

В литературных кругах многие знали Садовского не только как специалиста по Фету, но и как собирателя рукописей поэта³⁸ и архивных документов о нем.³⁹ Серьезный интерес к изучению Фета высказал молодой критик и историк литературы Юрий Александрович Никольский (1893—1922),⁴⁰ через М. О. Гершензона обратившийся к Садовскому за помощью «в работе над Фетом». «Я специалист-тургеневист, — писал он в апреле 1918 года, — <...> но сейчас многое меня толкает к Фету, которым предполагаю заняться». Узнав о подготовке Садовским книги о Фете «с хронологической канвой», он просит разрешения «воспользоваться» ею, поскольку хотел бы написать «книжку о Фете, небольшую, но содержательную»: «...если мы по пяти раз будем открывать открытое (из-за того, что нет библиографии, не опубликованы архивы), если не будем помогать друг другу, то, право, история литературы не сдвинется с места».⁴¹ В том же письме Ю. А. Никольский сообщал Садовскому свои планы в отношении Фета, а также о том, чем «обладает», в «смысле матерьялов, а Вы рассудите — чем я должен обладать.

³⁸ Например, один из фетовских автографов — лист, содержащий тексты стихотворений «Ивы и березы» и «Последнее слово» («Я громом их в отчаяньи застигну...»), подаренный Садовским Г. П. Блоку, находится в архиве последнего, хранящемся в Пушкинском Доме (Ф. 645).

³⁹ Едва ли возможна полная реконструкция источников, которыми пользовался Садовской для сбора биографической информации о поэте и пополнения своего фетовского рукописного собрания, но пути поиска прослеживаются по письмам друзей. Так, Кондратьев писал поэту 19 апреля 1912 г., приглашая его на литературный вечер: «...в числе гостей будет некий <В. Б.> Бертенсон, у которого большая коллекция автографов. По всей вероятности, у него есть и Фет. Примите это к сведению» (Кондратьев. С. 6. В материалах Бертенсона в РНБ автографы Фета не числятся; см.: Там же. С. 29). Он же в письме от 28 декабря 1913 г. сообщал поэту, что в Отделе рукописей Публичной библиотеки «имеются письма Фета, отчасти уже использованные в „Дне“ Т. М. Глаголевой (Там же. С. 12). Речь идет о публикации пяти писем Фета к Д. И. Нагуевскому в приложении к газете «День», в составе статьи Глаголевой «Из неизданных писем А. А. Фета»: Литература, искусство и наука. 1913. 14 октября, приложение № 2. С. 1; 28 октября, приложение № 4. Глаголева Татьяна Матвеевна (в замуж. Берхен; 1885—1962), литератор, преподаватель Высших женских курсов (Бестужевских), автор статьи «Раб, эллин и жрец. Бенедиктов, Щербина, Фет» (Русская мысль. 1917. № 2).

⁴⁰ См.: Шумихин С. В., Тименчик Р. Д. Никольский Юрий Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 324—327. Далее сокращенно: Шумихин, Тименчик, с указанием страницы.

⁴¹ Цит. по: Судьба Юрия Никольского: Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917—1921 / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1996. № 19. С. 160—161. Далее сокращенно: Ю. Никольский/Садовской, с указанием страницы.

I. Библиография Федины.

II. Источники моей статьи *Фет и Полонский*. ВВ. Архивы Полонской.

III. Остроухов.

IV. Остроухов обещает устроить с фетовским архивом (у Боткиных), которым занимался Черногубов.

V. Историч<еский> Музей (неважная переписка с гр. Ал. Толстым и мелочи).

VI. Собираюсь в Румянц<евский> Музей и Университет». ⁴²

И тут же интересуется, где находится архив Майкова, есть ли что-нибудь в архиве В. П. Боткина и где он, какие еще архивы необходимы для его монографии; просит перечислить лиц, «около которых может быть что-либо (хотя бы уже напечатанное, напр. Вл. Соловьев) о Фете», и добавляет: «...если бы Вы знали, как *объективно* мне хочется написать работу о Фете». ⁴³

⁴² Там же. С. 160. См. также: *Никольский Ю. А.* История одной дружбы: Фет и Полонский // Русская мысль. 1917. Кн. 5–6. *Остроухов* Илья Семенович (1858–1929), коллекционер, хранитель Третьяковской галереи, родственник Фета (муж племянницы Марии Петровны Надежды Петровны Боткиной). Владел экземпляром издания «Стихотворения» Фета (М., 1850) с правкой Тургенева (хранится в ГТГ), на основании которого в конце 1918 г. Ю. А. Никольский написал работу, опубликованную лишь в эмиграции: *Материалы по Фету. I. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г.* (Русская мысль. София, 1921. № 8–9, 10–12). *Черногубов* Николай Николаевич (1874–1941), коллекционер, искусствовед, с 1902 г. помощник главного хранителя Третьяковской галереи, с 1913 главный хранитель; многие годы собирал фетовские материалы. В 1894–1895 гг. вывез архив Фета из его имения Воробьевка, рукописи и бумаги которого составили основу его собственной коллекции; после революции, бросив фетовский архив в своем доме на Девичьем поле (остатки коллекции позже были переданы в Румянцевский музей, ныне НИОР РГБ), уехал в Киев, где в 1941 г. в оккупированном фашистами городе был назначен смотрителем Киево-Печерской лавры; расстрелян при невыясненных обстоятельствах (см.: *Асланова Г. Д.* Роковое «фетианство» // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55–59). См. также: *Письма Блока к Садовскому.* № 83/84. С. 94; *Григорьев О.* Тайна Киево-Печерской Лавры. Гибель Успенского собора // Русская мысль. Париж, 1948. 28 октября. № 184 (см.: <https://zalizyaka.livejournal.com/288861.html>; дата обращения: 24.03.2021). Согласно новейшему исследованию, Черногубов был расстрелян 21 октября 1941 г. «неизвестными лицами в немецких мундирах». Версия, что это сделали «переодетые подпольщики за то, что он передал немцам сведения о минировании Успенского собора и подготовке теракта против нацистского руководства», не выдерживает критики: «Недавно обнаруженные документы позволяют сказать, что Черногубова убили нацисты за противодействие изъятию ценностей из лавры» (см.: *Осокина Е.* Небесная голубизна ангельских одежд: Судьба произведений древнерусской живописи. 1920–1930-е годы. М., 2018. С. 1096–1097).

⁴³ *Ю. Никольский/Садовской.* С. 160–161.

Ответ Садовского неизвестен, но, учитывая завязавшуюся переписку, длившуюся более трех лет и переросшую в дружбу, он консультировал и помогал Ю. А. Никольскому. 22 мая 1919 года Никольский писал: «Фета издавать хочу. И забыл Вам про это! *Непреренно*. Хоть в Комиссариате Нар<одного> Пр<освещения>. Ну их к лешему. Вообще Ф<ет> и Тургенев *страшно на очереди, и я рвусь к работе <...>*». ⁴⁴ Между ними, вероятно, происходил интенсивный обмен фетовскими материалами. Не имея возможности передвигаться и работать в архивах, Садовской, похоже, возложил эти поиски на Никольского. ⁴⁵

Через Черногубова со схожей просьбой о помощи к Садовскому обратился другой увлеченный Фетом начинающий исследователь из Пушкинского Дома, двоюродный брат известного поэта Георгий Петрович Блок (1888—1962). Прикованный к постели и находившийся в это время в Нижнем Новгороде Садовской встретил его обращение с заинтересованностью и дружеским пониманием. Не будучи знаком с Садовским, Блок 20 января 1921 года просил прислать ему книгу

⁴⁴ Ю. Никольский/Садовской. С. 170.

⁴⁵ Летом 1919 г. Ю. А. Никольский читал лекции в Нижегородском университете, здесь он лично познакомился и подружился с Садовским. 22 (9) июля 1919 г. Никольский писал Садовскому: «Хорошо бы нам взять в обычай (точно, будто мы Ф<ет> и П<олонский>) поправлять за-слово — всякий наш труд» (Там же. С. 174). Позже, видимо выполняя просьбу Садовского, он напишет 2 сентября 1919 г.: «Передо мной переписанная статья Фета о Тютч<еве> <...>» (Там же. С. 177). В октябре 1919 г. он сообщает о найденных фетовских материалах: «В архиве М<осковского> У<ниверситета> с большим трудом найдены дела Фета и Тургенева (огромная выпись из геральдич<еской> книги о его роде; подписка, что он не будет принадлежать и не принадлежит к масонам). Сегодня сверю с черногуб<овской> статьёй — всё ли выбрал» (Там же. С. 184). В 1919 г. Никольский вел переговоры с издательством «Огни» о подготовке к изданию переписки Фета с Полонским со своими комментариями; замысел не был осуществлен (см.: Шумихин, Тименчик. С. 326).

4 (17) февраля 1920 г., незадолго до эмиграции (из Крыма в Константинополь, затем через Болгарию в Белград), Никольский вновь пишет Садовскому: «Фет едет со мною. Письма Борисову, Энгельгардт. Мне списали „Вне моды“ — ты был дурачок, что не оценил! Там, что ни строка — важность огромная. Посылаю французский текст стихотворения Ольги Н-Энгельгардт. Узнаешь? О какой статье про статистику Ты еще говорил? Остался в Публичной не списанными письма к Нагуевскому об „Энеиде“ и 3—4 Шевыреву, которых Бычков не мог достать сразу, а после я уж не мог — при -4° — там. / Любовь к Фету не растопила мороза, и опухшие пальцы отказывались служить. Быть может, за гр<аницей>, если попаду туда, — издам кое-что по Фету» (Ю. Никольский/Садовской. С. 189). В эмиграции одними из последних работ Никольского о Фете стали: статья «Признания Фета» (Русская мысль. 1922. № 6—7) и обширный очерк «Фет», опубликованный в берлинской русскоязычной газете «Руль» (1921. 8 сентября (26 августа) № 246. С. 2—3; в конце проставлены дата и место: «Ноябрь, 1920, Константинополь»).

«А. А. Фет. Жизнь и творения», полагая, что та была издана: «Занимаясь в настоящее время Фетом, я постоянно прибегаю к Вашей книге о нем, как к ценнейшему и единственному руководству. К сожалению, своевременно я ее не купил, теперь купить негде, в библиотеках — в некоторых <...> ее нет, в других она нарасхват, и я бедствую. Я был бы бесконечно Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным прислать мне один экземпляр <...> Цель моих занятий — составление подробной биографии Фета <...> Вы понимаете, как важна Ваша книга». ⁴⁶ Садовской выслал ему сборник «Ледоход», решив, что именно о нем идет речь. ⁴⁷

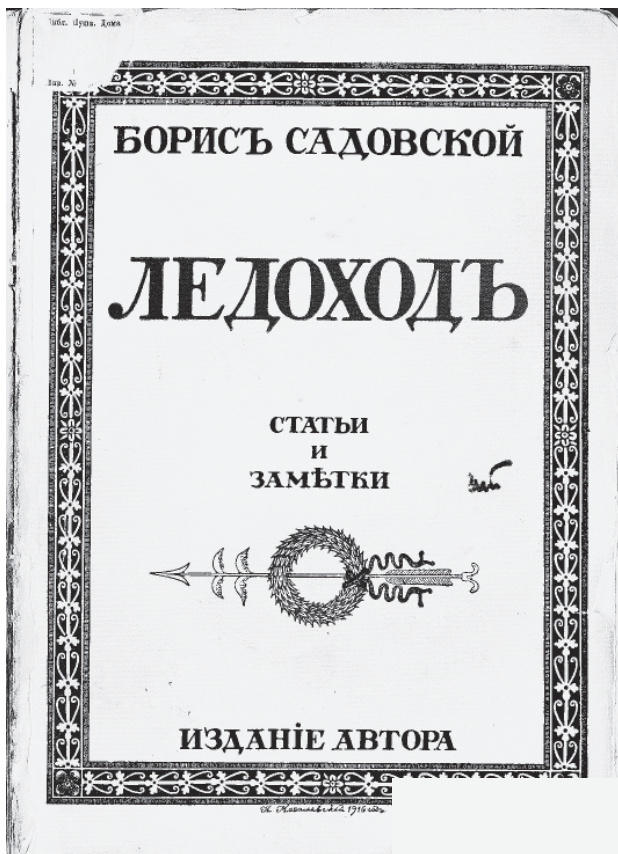
Впоследствии выяснилось, что многократно анонсировавшаяся книга Садовского о Фете не вышла. 6 августа 1921 года Блок писал: «Я давно хотел к Вам обратиться, п<отому> ч<то> мне в Петрограде говорили, что Ваша Фетовская хронологическая канва вышла уже и что ее даже видали. В первый раз я именно о ней Вам и писал, а не о „Ледоходе“, а потом, дурак, постеснялся в этом сознаться». ⁴⁸ Завязалась активная переписка и доверительная дружба двух «фетианцев» (к сожалению, ответные письма Садовского неизвестны), в ходе которой Садовской сообщал Блоку всевозможные сведения и материалы, не вошедшие в «Ледоход».

Из обширных писем Блока, полных вопросов, просьб, гипотез, сомнений, полемических высказываний, становится очевидно, что в не менее обширных письмах Садовского содержались многочисленные сведения, справки, уточнения, советы, что, безусловно, направляло и корректировало работу Блока, за что тот регулярно благодарил своего наставника. Так, 7 апреля 1921 года Блок отвечал на неизвестное письмо Садовского: «Спасибо Вам и за все сообщенное и за готовность делиться со мной и дальше Вашими Фетовскими богатствами. Вы говорите, что уже 15 лет „влюблены“ в него, и я понимаю <...>. Я тоже именно влюблен. Влюбленность (у каждого своя особенная)

⁴⁶ Письма Блока к Садовскому. № 83/84. С. 89. С этого письма началось заочное знакомство Г. П. Блока и Садовского. Личная встреча произошла осенью 1922 г., вероятно, в Петрограде (возможно, в Нижнем Новгороде).

⁴⁷ Посланный экземпляр «Ледохода» имел дарственную надпись Блоку (неизв.), о чем упоминается в его письме к Садовскому от 2 мая 1921 г.: «А тем временем пришел Ваш пасхальный подарок — „Ледоход“ с незаслуженно лестной, смутившей меня надписью. Спасибо Вам за память и внимание. Ваша книга мне крайне необходима, и необходимо иметь ее постоянно под руками. Получив ее от Вас, я очень повеселел» (Письма Блока к Садовскому. № 83/84. С. 98). В библиотеке ИРЛИ хранится экземпляр, подаренный Садовским Б. Л. Модзалевскому, вероятно, в это же время: «Уважаемому Борису Львовичу Модзалевскому от автора» (шифр 104 4/49).

⁴⁸ Письма Блока к Садовскому. № 85. С. 77.

*Напечатану
Борису Львовичу
Модзалевскому
отъ автора.*

Сборник Б. Садовского «Ледоход» (Пг., 1916). Обложка и фрагмент шмуцтитула с дарственной надписью Б. Л. Модзалевскому

и у Черногубова, и у обоих Никольских, и у Федины, и у нескольких других. <...> То, что Вы сообщаете о составе Черногубовской коллекции *me fait venir l'eau à la bouche* (от этого у меня слюнки текут — *франц.*)». Тут же сообщает, что «добыл» в подлинниках и «достал» все, что «осталось от Фетовского архива после „разборки“ его Черногубовым», на которого «нацеливался уже давно, благо его „влюбленность“ заведомо прошла». ⁴⁹

⁴⁹ Письма Блока к Садовскому. № 83/84. С. 92.

Содержание вопросов Блока о биографии Фета, адресованных Садовскому, на которые, судя по многочисленным благодарностям, он получал ответы, позволяет сделать вывод о совместном характере работы. 4 марта 1921 года Блок «горячо» благодарит адресата «за предложение поделиться <...> сведениями о Фете» и сообщает, что поставил перед собой две задачи: «биография и комментированное издание».⁵⁰ «Скажите, пожалуйста, — спрашивает Блок 6 августа 1921 года, — ведь Фета отвезли в Верро в январе 1835? И когда, как Вы думаете, было первое знакомство с Еленой Б. По словам Фета — на Рождество 1838. Мне кажется, не рано ли? Неужели „Лир<ический> Пантеон“ был задуман еще летом 39?».⁵¹

О ценности сообщенных Садовским сведений можно судить по письму Блока к Б. Л. Модзалевскому от 13 апреля 1921 года, из которого выясняется, что помощь от авторитетного фетоведа он получал и она была существенная: «...накопилось много вопросов <...>. Порождены они письмом Б. А. Садовского, наполненным самыми соблазнительными сведениями о разных фетовских сокровищах».⁵² 9 апреля 1921 года Блок писал Садовскому: «...позвольте повторить мою благодарность за все Ваши драгоценные сообщения и за желание помогать мне и в будущем. Если бы Вы знали, как мне это дорого и как это подбодряет. <...> А Ваши Фетовские письма — это ключи лесные, к которым жадно припадаю и, отрываясь, чувствую себя свежее и крепче. Еще раз спасибо Вам и не оставляйте меня, пожалуйста, и вперед».⁵³ 14 апреля 1921 года Блок известил И. С. Остроухова о том, что «получил длинное и очень содержательное письмо от Садовского»: «...он просит считать его моей справочной книжкой по Фету. По всем заданным мною вопросам он дал пространные, интересные, но несколько догматические объяснения. Я написал ему вторично, прося более „гробокопательских“ сведений, и теперь с интересом жду ответа. Скверно только, что письмо идет до Нижнего месяца».⁵⁴

В приписке к письму от 2 мая 1921 года, помеченной 4 мая, Блок благодарил Садовского за «длинное» письмо и добавлял, отвечая на замечание, не являются ли книги, присланные от Блока, платой за сведения: «Только зачем Вы пишете про взятку. <...> Неужели же Вы считаете меня способным так дешево расценивать Ваши сообщения. Неужели можно думать о купле таких сообщений. Хорош бы я был!

⁵⁰ Там же. С. 89.

⁵¹ Там же. № 85. С. 78.

⁵² Цит. по: Аксеевко Е. М. Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // *ФетСб(1)*. С. 480.

⁵³ *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 95.

⁵⁴ Цит. по: Там же. С. 92, примеч. 12 к письму 2.

Очевидно, нужно (не Вам и не мне), чтобы мы поделились тем, что имеем, чтобы сделали дело вместе», — и далее: «...о ссылках на Вас что же говорить. Конечно, они будут. Лишь бы дал Бог „вместе придти“». Блок подробно отчитывается о своих фетовских разысканиях, следуя, вероятно, заданиям Садовского: «Досекина в Москве нет», в «Дармштадт я уже протянул нити», о «Верро надо подумать»; благодарит «за указания» относительно разных лиц, которых надо «разыскать», обещает «проникнуть в дом на Плющихе». «Факел наш, который Вы называете трепетным, все ярче и ярче озаряет мне трудную и далекую еще дорогу, и в каждом Вашем письме бездна нового и важного. <...> а за намерение прислать мне кое-какие изображения не знаю, как и благодарить Вас». ⁵⁵ В письме от 5 июня 1921 года Блок пишет: «Ваш совет относительно плана моих работ мне очень по душе. И сам я помаленьку к этому прихожу: материалы голые и к ним литературные комментарии. <...> Большую монолитную работу дать очень уж трудно — ведь на это надо много лет уложить и целиком». Здесь же выражал желание сделать «такую Фетовскую летопись», как изданные Н. П. Барсуковым 22 тома книги «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888—1910). ⁵⁶

В результате такой работы «по переписке» выкристаллизовалась та самая фетовская летопись, опубликованная Б. Я. Бухштабом лишь в 1985 году, которой до сих пор пользуются все фетоведы. ⁵⁷

В дальнейшем Садовского как источник своих сведений Блок будет педантично оговаривать. ⁵⁸ Вскоре начали печататься статьи самого Блока о Фете, и первая из двух, вышедших в 1922 году, имела посвящение Садовскому. ⁵⁹ Следом увидела свет книга «Рождение поэта.

⁵⁵ Письма Блока к Садовскому. № 83/84. С. 98—99.

⁵⁶ Там же. С. 103.

⁵⁷ См.: *Летопись (1985)*. Повторно эта публикация напечатана: А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1992. С. 273—333; здесь же: *Асланова Г. Д.* Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком. С. 334—346.

⁵⁸ Приведем как пример таких отсылок примеч. к главе 3 в книге «Рождение поэта»: «Б. А. Садовской со слов современников Фета сообщил мне, что в 1856 г. в Москве Фет отправился делать визит барону Шеппингу. Тот его не принял. Фет послал вызов. Шеппинг отказался от дуэли, сказав, что дерется только с дворянами» (Л., 1924. С. 95).

⁵⁹ См.: Блок Г. П. 1) Фет и Бржеская (Посвящается Б. А. Садовскому) // *Начала: Журнал истории литературы и истории общественности*. 1922. № 2. С. 106—123; 2) Граф Лев Толстой. Письмо к Фету // *Радуга: Альманах Пушкинского Дома*. Пг., 1922. С. 247—259. В первой статье имеются ссылки на две работы Садовского из сборника «Ледоход», и нет никаких ссылок на многочисленные справки, полученные в письмах. Так, 8 мая 1921 г. Блок сообщил Садовскому о начале работы над этой темой: «Заранее, еще не приступив, посвящаю ее Вам. Примите этот дар

Повесть о молодости Фета: По неопубликованным материалам» (Л., 1924), в которой были описаны детство и юность Фета, его раннее творчество до появления «Лирического Пантеона» (1840).⁶⁰

Содружество двух фетоведов, по мнению исследователя, не было бесплодным: Садовской «щедро делился с Блоком своими сведениями по обоим сюжетам, сделал ему царский подарок — переслал с надежной оказией несколько подлинных писем Фета из своего собрания автографов. Блок, в ответ, присылал ему фотографии эпохи Александра III <...> выпустил в издательстве „Время“ книгу „рассказов в стихах и прозе“ Садовского „Морозные узоры“ и даже выступал в роли свата. Садовской прислал Блоку свою статью „Фет в портретах“, собирался посвятить ему роман „Шестой час“»⁶¹ и новеллу «Амалия», которая не вышла в издательстве «Время», как планировалось.⁶²

33-хлетнего младенца, трепетно вступающего на страшное, неизведанное поприще, примите и помогите этому младенцу, подбодрите его. Просьба о помощи вполне конкретная. Не можете ли снабдить меня кое-какими биографическими сведениями о супругах Бржесских». Далее следовал, по выражению Блока, «целый ворох вопросов», причем он уверял, что в случае если Садовской «пожелает» ответить на них, то «ответы эти будут использованы мной добросовестно, со ссылками на Вас» (*Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 101).

⁶⁰ Остальные материалы Блок собирался использовать в «Летописи жизни А. А. Фета», подготовленной в качестве приложения к изданию полного собрания стихотворений Фета, предпринятого Б. Я. Бухштабом в 1937 г. (сер.: Б-ка поэта), но публикация не состоялась. Лишь в 1985 г., уже после смерти составителя, «Летопись» Блока увидела свет, опубликованная Бухштабом «в том виде, в каком она вышла из-под пера Г. П. Блока», то есть без архивных и библиографических ссылок (см. выше примеч. 57). Как свидетельствуют архивные разыскания, «Летопись» Блока имела подготовительные материалы: многочисленные выписки из произведений, писем и воспоминаний Фета, а также из критической и мемуарной литературы о нем (см.: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме. С. 492).

⁶¹ *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 86. Г. П. Блок был редактором и пайщиком частного издательства «Время». О романе «Шестой час» (1921), опубликованном (без посвящения) лишь в 1997 г. (Волшебная гора. 1997. № 6. С. 12–41), и его антибольшевистском пафосе см.: *Изумрудов Ю. А.* Большевизм и интеллигенция в интерпретации Бориса Садовского // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2012. № 6 (1). С. 335–340.

⁶² См.: «От сердца я излил благое слово...». С. 11. Впервые «Амалия» была опубликована: *Садовской Б.* Лебединые клики. М., 1990. С. 75–105. В 1986 г. впервые был опубликован обнаруженный в архиве Садовского очерк Блока «Из петербургских воспоминаний» (1922), посланный им в Нижний для какого-то журнала, который не состоялся (см.: *Блок Г. П.* Из петербургских воспоминаний / Публ. Ю. М. Гельперина // *Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения* / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1986. С. 157–163; см. также: *Тименчик Р., Тоддес Е., Чудакова М.* <Послесловие> // Там же. С. 166).

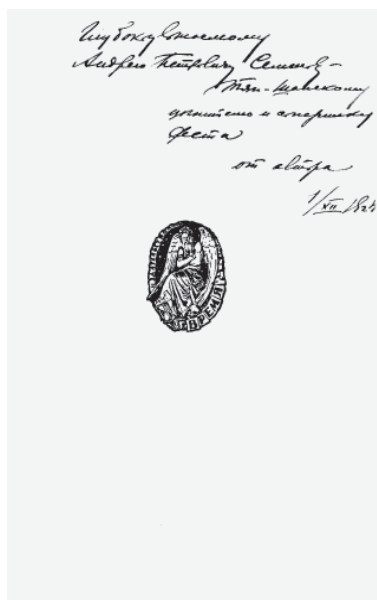

Сборник Б. Садовского «Морозные узоры» (Пб., 1922).
Обложка и заставка работы А. П. Остроумовой-Лебедевой

В конце сентября 1922 года Садовской, вероятно, приезжал в Петроград для лечения в больнице, по выходе из которой, возможно, останавливался у Блоков.⁶³ Известно, что в этот период между друзьями «по переписке» произошел какой-то конфликт и отношения двух фетоведов резко прекратились.⁶⁴ Последнее письмо Блока, вполне дружественное, помечено 24 сентября 1922 года.

⁶³ См.: *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 87.

⁶⁴ О болезненном характере Садовского вспоминали многие современники. Так, поэт Дмитрий Усов, навесивший Садовского летом 1922 г., писал поэту и переводчику М. А. Зенкевичу 6 сентября 1922 г.: «В Нижнем видел Бориса Садов-

Книга Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета» (Л., 1924). Обложка и шмуцтитул с дарственной надписью А. П. Семенову-Тян-Шанскому

Существует мнение, высказанное авторитетным специалистом по Садовскому С. В. Шумихиным, что причиной этого разрыва могло стать неприятие поэтом масштабов, «в которых Блок воспользовался сообщенными ему сведениями о Фете»,⁶⁵ что Садовскому «показалось некорректным использование его труда в изысканиях Г. П. Блока».⁶⁶ Прямых доказательств тому нет, но следует иметь в виду и косвенные.

ского. Он 6 лет не выходит из комнаты, прикованный к креслу тяжелым недугом. Он стал язвительным, горько умудренным старым остряком» (*Усов Д. С.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. М., 2011. Т. 2: Письма / Сост., вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т. Ф. Нещумовой. С. 103; см. также с. 176).

⁶⁵ *Шумихин С. В.* Фет, Блок, Гумилев (из писем Георгия Блока Борису Садовскому 1921 г.) // Независимая газета. 1996. 3 сентября. С. 5. Однако, по мнению Е. М. Аксененко, «материалы фонда Г. П. Блока не дают повода усомниться в самостоятельности его работы над „Летописью жизни А. А. Фета“» (см.: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме. С. 492).

⁶⁶ *Шумихин С. В.* Садовской Борис Александрович. С. 449.

Знакомый Садовского А. Розенталь писал ему 3 марта 1924 года: «Ваше столкновение с Блоком, кажется, совсем в духе нашего времени и современных литературных нравов. Удивляться слишком не приходится. Кстати: на следующий день после Вашего письма (неизвестно. — С. И.) в витрине книжного магазина увидел новинку: Г. П. Блок. Рождение поэта (Повесть о молодом Фете) (Так! — С. И.). Очевидно, кое-что в этой работе и от Ваших трудов».⁶⁷

Как полагает Шумихин, работавший с архивами Садовского в РГАЛИ, РГБ и Нижнем Новгороде, тайну неожиданного разрыва, «которого ничто не предвещало, столь духовно сблизившихся за полтора года переписки людей» могло бы разъяснить «письмо Садовского к неизвестному нам А. Розенталью», но оно, «по-видимому, не сохранилось. Загадкой остается и то, что в бумагах Садовского <...> не обнаружено никаких следов его многолетней работы над книгой о Фете, ни подготовительных материалов, ни черновых рукописей. А ведь это должен был быть многолетний и капитальный труд...».⁶⁸ Отсутствие писем Садовского к Блоку вполне объяснимо арестом последнего весной 1925 года по «делу лицеистов» (с конфискацией квартиры и архива ученого) и дальнейшей ссылкой на Урал (до осени 1928 года). Новый арест последовал в 1935 году, из ссылки (Казахстан, Саратов) Блок вернулся вначале в Москву (1945), а затем в Ленинград (1948); последние годы служил в архиве Академии наук.⁶⁹ Этими биографическими обстоятельствами объясняется, по-видимому, неполнота фетовских материалов в архиве ученого, а также отсутствие ответных писем Садовского. В 1964 году вдова Блока передала в Пушкинский Дом его архив, в котором этих писем, вероятно, уже не имелось. По мнению современной исследовательницы, «завершение обработки архива Г. П. Блока прольет свет на этот вопрос».⁷⁰ «Не были ли они, — полагает Шумихин, — ранее изъяты агентами с Гороховой и не всплывут ли еще когда-нибудь? Архивы имеют свою судьбу, нередко неожиданную и парадоксальную».⁷¹

Не исключено, что участие Садовского в «Летописи» Блока было не столь значительным, как могло показаться не очень здоровому и мнительному человеку, оказавшемуся на обочине литературной жизни, но вполне возможно, что ссылки Блока действительно не от-

⁶⁷ Цит. по: Кондратьев. С. 38; указано С. В. Шумихиным.

⁶⁸ Письма Блока к Садовскому. № 83/84. С. 87.

⁶⁹ См.: Беленкова А. И. Чтобы свеча не погасла (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицеистов») // Пушкинский музей: альманах. СПб., 2014. Вып. 6 / Под ред. С. М. Некрасова, Р. В. Иезуитовой. С. 185.

⁷⁰ Аксененко Е. М. Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме. С. 478.

⁷¹ Письма Блока к Садовскому. № 83/84. С. 87.

ражали в достаточной мере коллективный характер авторства ни сданной в печать статьи Блока «Фет и Бржеская», ни готовившейся ученым книги «Рождение поэта», ни составлявшейся им фетовской «Летописи». ⁷² Между тем письма начинающего фетоведа Блока к маститому фетоведу Садовскому, а также реконструируемые ответы последнего не позволяют усомниться в его значительном участии в выполнении готовившейся Блоком «Летописи». Однако в печатном труде, вышедшем под именем Блока (посмертно), ни о чьем участии не только не упоминается, но даже настаивается на его единоличной составительской работе. Так, в предисловии Б. Я. Бухштаба к первой публикации «Летописи жизни А. А. Фета» говорится: «Попытки написать биографию Фета к тому времени (1920 год. — С. И.) не сделал еще никто, кроме самого Фета, оставившего трехтомные мемуары, в которых он слишком многого в своей жизни не коснулся, многое позабыл, перепутал, утаил, исказил бессознательно или сознательно. <...> Г. П. Блок взялся за работу с необычайным размахом и тщательностью. Он учел всю литературу <...> обследовал огромную переписку поэта, сохранившуюся в государственных архивах и в частных собраниях, учитывал упоминания в мемуарах, дневниках, переписке писателей и других деятелей, которые могли соприкасаться с Фетом, устно и письменно интервьюировал людей, лично знавших Фета или сохранивших семейные воспоминания о нем». Отметил Бухштаб и то, что Блок в дальнейшем, вплоть до начала 1930-х годов, «следил за публикациями Фета, собирал материалы о нем», что дало ему возможность создать летопись жизни поэта. ⁷³ Отсутствие упоминаний об участии Садовского в опубликованной им рукописи было связано, очевидно, с необходимостью произвести сокращения (до «трех листов»)

⁷² Г. П. Блок никак не упомянет в своей автобиографии (1958) о роли Садовского (умершего в 1952 г.) в своем научном становлении фетоведа: «Мне посчастливилось найти и приобрести для Пушкинского Дома архив Фета, содержащий много писем Льва Толстого, Тургенева, Полонского и др. Работа над этим архивом положила начало моим литературоведческим занятиям. Моими первыми исследовательскими шагами руководил с величайшей заботливостью и доброжелательностью Б. Л. Модзалевский. Плодом его забот и дружеских обсуждений явились мои первые статьи, посвященные Фету и Льву Толстому, а затем и моя книга о первых годах поэтической деятельности Фета. Она вышла в 1924 г. под названием „Рождение поэта“. См.: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/BLOK_Georgiy_Petrovich/_Blok_G.P..html; дата обращения: 24.03.2021. Впрочем, упоминание имени Бориса Садовского могло быть связано с опасениями неоднократно репрессированного исследователя, страшившегося быть вновь обвиненным в связях с человеком, чьи монархические и антибольшевистские взгляды не были ни для кого секретом.

⁷³ См.: Бухштаб Б. Я. <Предисловие> // *Летопись* (1985). С. 130, 132.

и «отказаться от библиографических и археографических ссылок» при подготовке текста для публикации в «Библиотеке поэта» (1937).⁷⁴ Полным экземпляром труда Блока со ссылочным аппаратом мы не располагаем. Шумихин, занимавшийся поисками «Летописи» Садовского, констатировал, что переизданная в 1992 году «Летопись» Блока «никак не может быть соотнесена с анонсированным трудом Садовского: она слишком скромна для издания отдельной книгой».⁷⁵

Существенным источником для реконструкции подходов Садовского в изучении биографии поэта являются его ценные «Записки», охватывающие период 1881—1916 годов, которые писались в первой половине 1920-х годов и которые он тщетно пытался издать.⁷⁶ Самые ранние⁷⁷ упоминания относятся к 1900 году: «В конце октября 1900 года Нижний посетил великий князь Константин Константинович. Я решил поднести ему свои стихи. Тогда я начинал уже понемногу влюбляться в Фета и знал, что К. Р. носит его благословение».⁷⁸

Период эмпирического изучения Фета начался рано. 1906—1907 годы: «Постепенно начал я заниматься Фетом и весной ходил к вдове М. Н. Каткова. С. П. Каткова, урожденная княжна Шаликова, оказалась маленькой, сухой старушкой, очень живой и бодрой. Писем поэта к ее мужу у нее не было. Стихи свои Фет сам передавал Каткову, а переписки между ними никогда не велось. — „Придет, выпьет чаю, оставит рукопись и уйдет“».⁷⁹ Далее, стенографически фиксируя свой нарастающий интерес к поэту, Садовской продолжает: «Любовь моя к Фету стала болезненной страстью. Я жил вдвойне: за Фета и за себя.

⁷⁴ Бухштаб Б. Я. <Предисловие> // *Летопись* (1985). С. 132.

⁷⁵ *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 89.

⁷⁶ В 1931 г. Садовской обратился в ленинградское издательство писателей, участие в судьбе рукописи приняли В. А. Мануйлов и Б. М. Эйхенбаум, который собирался написать предисловие к «Запискам», однако рукопись была отклонена (см. письмо Эйхенбаума к Садовскому от 27 апреля 1932 г.: *Записки*. С. 108). Помимо «Записок» Садовской вел дневник и заметки (см.: *Садовской Б. А. Заметки. Дневник (1931—1934)* / Публ. И. Андреевой // *Знамя*. 1992. № 7. С. 172—194).

⁷⁷ Вероятно, первое детское знакомство с поэтом состоялось в 1891 г.: «О, как взволнован я „Сентябрьской розой“ Фета! / Волшебные стихи читает мама вслух. / Лампадка, тишина, смесь сумрака и света, / За голубым стеклом алмазный вьется пух» («Тридцатое число. Ноябрь уж исчезает...», 1942). Речь шла о стихотворении Фета «Сентябрьская роза» («За вздохом утренним мороза...», 1890). Позже Садовской отметил: «На 1891 г. отец выписал для меня московский журнал „Царь-Колокол“. Там было стихотворение Фета „Сентябрьская роза“» (*Записки*. С. 125).

⁷⁸ Там же. С. 143. Публикацию тетради, поднесенной К. Р., см.: *Садовской Б. И. Стихотворения. II. Автобиография* / Публ. М. Д. Эльзона // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год*. СПб., 2004. С. 133—147.

⁷⁹ *Записки*. С. 154.

Иногда я почти видел его, слышал его голос. День и ночь читал „Воспоминания Фета“, ездил в полночь на Плющиху к его дому, повторял постоянно его стихи. Обдумывал план отправиться на могилу Фета, вскрыть гроб и насмотреться на кости. Кошмары эти были приятны. / В Нижнем на святках я целыми ночами просиживал над Фетом. Засыпал к утру <...> и много думал о смерти». ⁸⁰ Летом 1908 года в Пятигорске часто «ходил на кладбище, тщетно отыскивая могилу П. Н. Шеншина, дяди и крестного отца Фета». ⁸¹

Вскоре интерес к бытовым реалиям биографии поэта и эмоциональное его восприятие переросли в интеллектуальное — поиск и научное осмысление рукописей поэта, его писем и документов, а также воспоминаний современников. В конце 1911 — начале 1912 года Садовской познакомился с главным хранителем Третьяковской галереи, коллекционером и фетоведом Николаем Николаевичем Черногубовым (1874—1941), собравшим значительную коллекцию материалов. ⁸² О встречах с ним поэт вспоминал: «Черногубов кончил Костромскую гимназию, был филологом Московского университета вместе с Брюсовым и вышел с третьего курса. Говорил с явственным костромским акцентом. Родом он был из дворян и жил в Москве одиноко с матерью <...>». Квартира Черногубова, по воспоминаниям Садовского, состояла «из трех комнат; в первой, приемной, с полу до потолка портреты Фета, всех возрастов и эпох, в углу его же гипсовый бюст, работы Ж. А. Полонской. Другой поменьше, сделанный Досекиным, на старом бюро»; в «столах и шкапах рукописи Фета, портфели и судебные дела его в синих казенных обложках». При «обширном уме», как отмечал мемуарист, «Черногубов духовно был очень беден и, конечно, страдал от этого. Фетом, вещами и картинами пытался он заполнить роковую пустоту. В душе ничему не верил и ничего не любил. Культ Фета некогда пылал в Черногубове ярким пламенем. Еще юношей объехал он все фетовские места, жил там, долго бредил Фетом как полумумный. На любви к Фету мы с ним и сошлись; этой веревочкой — Фетом — воистину связал нас сам черт». ⁸³ К Черногубову обращено стихотворение поэта «Самовар в Москве» (сб. «Самовар», 1914; в поздней редакции — «Н. Н. Черногубову»), ему же посвящено стихотворение «Моей луковице» (сб. «Пятьдесят лебедей»).

⁸⁰ Там же. С. 158.

⁸¹ Там же. С. 160.

⁸² В 1894—1895 гг. Черногубов вывез хранившийся в Воробьевке архив поэта, из которого составила его коллекция, из нее он опубликовал: К хронологии стихов Фета // Северные цветы за 1902 год. М., 1902. С. 215—225; кроме того, статью «Происхождение Фета» (Русский архив. 1903. № 8. С. 523—536).

⁸³ *Затиски*. С. 168—169.

Б. В. Никольский.
Фотография ателье В. Лалаяна и К°. Петербург, 1912—1913 г.

В конце января 1912 года началось общение Садовского с петербургским профессором римского права, ученым, пушкинистом, поэтом, критиком и политическим деятелем Борисом Владимировичем Никольским (1870—1919),⁸⁴ глубоким и авторитетным исследователем творчества Фета, составившим наиболее полное издание стихотворе-

⁸⁴ См.: *Иванова Е. В., Шумихин С. В.* Никольский Борис Владимирович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 321—323.

ний поэта по имевшимся у него рукописям.⁸⁵ Их знакомство, вызванное общим увлечением творчеством Фета, состоялось через литератора А. А. Кондратьева.⁸⁶ Садовской подробно описал свой первый визит к ученому: «Никольский владел рукописями Фета и разрешил мне заняться ими. В библиотеке (в Петербурге на Офицерской ул. — С. И.) он поставил для меня особый столик, приготовил бумагу, карандаши и выдал все фетовские тетради. Ходил я заниматься недели две. В кабинете рядом сидел хозяин за грудой бумаг».⁸⁷ 31 января того же года Садовской писал отцу из Москвы: «Вчера я вернулся из Петербурга <...>. Был у знаменитого Бориса Никольского — по поводу Фета — и он обещал мне полное содействие; в сравнении с его коллекцией фетовских рукописей — черногубовская гроша не стоит. У Никольского огромная квартира, на столе портреты великих князей с подписями <...> Подарил мне свои издания — есть очень любопытные».⁸⁸ Судьба ученого сложилась трагически: после Февральской революции он лишился своих кафедр, пытался получить место за границей; не считая нужным скрывать своих монархических убеждений, в 1919 году без суда и следствия был расстрелян Петроградским ЧК по обвинению в подготовке контрреволюционного заговора.⁸⁹

Через Б. В. Никольского Садовской познакомился с поэтом и литератором Владимиром Степановичем Ильешенко (1887—1970; псевд.

⁸⁵ См.: *ИССМ1901*. В предисловии «От редактора» Никольский приводит любопытный факт: поблагодарив Черногубова за многочисленные «ценные указания», он глухо упомянул, что тот собирался или уже писал биографию Фета. От Черногубова, по его мнению, «наша литература вправе ожидать образцовой биографии Фета, беспримерной по богатству материалов, их тщательному и полному изучению и совершенно исключительной любви составителя к поставленной себе задаче» (Т. 1. С. VI—VII). Местонахождение биографии Фета, составленной Черногубовым (в каком бы то ни было виде), неизвестно.

⁸⁶ Кондратьев писал Садовскому о Никольском 26 января 1912 г.: «Я сообщил ему о Ваших занятиях Фетом и желании с ним познакомиться. <...> Быть может, он также Вам посоветует, где можно напечатать письма Фета» (см.: *Кондратьев*. С. 5—6). Речь идет о том, что Садовской несколько лет пытался опубликовать десять писем Фета, автографы которых были у него на руках. Советы Никольского неизвестны. Позже, в октябре 1913 г., Садовской предложил П. Н. Сакулину, издателю журнала «Голос минувшего», напечатать их непременно с буквальной точностью и со своим предисловием и комментариями, но редакция отклонила это предложение, отказавшись печатать письма в соответствии с подлинниками (см.: Там же. С. 29).

⁸⁷ *Записки*. С. 174.

⁸⁸ Цит. по: *Кондратьев*. С. 28—29.

⁸⁹ Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913—1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 340—342.

В. С. Феди́на), автором первой биографической книги о поэте «А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике» (Пг., 1915). О предстоящей встрече с ним упоминается в письме Кондратьева к Садовскому от 19 октября 1915 года: «Этот Ильяшенко занимается Фетом (вернее, библиографией о нем и анатомией его произведений). По мнению Бориса Владимировича, Вы могли бы быть весьма полезны друг другу, т. к., по-видимому, В. С. Ильяшенко принадлежит к числу знатоков. <...> Ильяшенко принадлежит к числу крупных екатеринославских (если не ошибаюсь) землевладельцев и занимается Фетом из любви к искусству».⁹⁰ Сведениями о характере их общения мы не располагаем, но на выход книги Федины Садовской откликнулся благожелательной рецензией.⁹¹

Садовской использовал любую возможность расспросить людей, знавших Фета, и пополнить свои материалы новыми подробностями его биографии. С В. П. Бурениным Садовского познакомил В. Я. Брюсов: «Фета Буренин лично не знал, но поэт писал ему три раза, благодаря за благосклонные отзывы о „Вечерних огнях“».⁹² В 1913 году при посредстве барона П. П. Унгерн-Штернберга Садовскому удалось письменно запросить юрьевского профессора Г. Эттингена, учившегося в пансионе Крюммера в Верро одновременно с Фетом. Ответ жены Эттингена он опубликовал в сборнике «Ледоход». Летом 1914 года поэт собирался посетить фетовские места в Орловской губернии, где, по свидетельству его приятеля и корреспондента, одиозного литератора А. И. Тинякова, проводившего время на родине в селе Богородском, недалеко от фетовской Степановки, местный протоиерей А. Н. Ивановский «отлично знал и очень живо помнит А. А. Фета, с которым ему приходилось иметь много дела»,⁹³ но поездка не состоялась.

За «дозволение обнародовать» письма Фета, помещенные в сборнике «Ледоход», Садовской счел своей обязанностью поблагодарить Б. В. Никольского, Э. П. Юргенсона, В. П. Каратеева, С. М. Соловьева.⁹⁴ Некоторые рукописи и письма Фета были получены из архивов А. Н. Пыпина, П. В. Анненкова, Ф. Ф. Фидлера, М. В. Шевлякова и др., о чем автор скрупулезно сообщает в примечаниях к своим статьям

⁹⁰ Кондратьев. С. 23.

⁹¹ См.: Книга о Фете // Биржевые ведомости. 1916. 5 января. № 15306. Утр. вып. Не исключено, что названная так же благожелательная рецензия Ходасевича, друга Садовского, была написана по его просьбе (см.: Ходасевич В. Ф. Книга о Фете (1916) // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 201–206). Отрицательно отзывался о книге Федины Ю. А. Никольский (см.: Русская мысль. 1916. № 3. С. 2; 2-я паг.).

⁹² Записки. С. 175.

⁹³ Кондратьев. С. 34.

⁹⁴ См.: Ледоход. С. 170.

и публикациям в сборнике «Ледоход». Еще долго Садовской будет продолжать опрашивать людей, знавших Фета, собирая любые сведения и воспоминания о нем. 26 сентября 1929 года, встретив на Новодевичьем кладбище у могилы В. Я. Брюсова своего давнего знакомого философа и переводчика Г. А. Рачинского, в свое время общавшегося с Фетом, зафиксировал его свидетельство: «Какое впечатление произвел на Вас Фет при первом знакомстве? — „Мне казалось, что я вижу мудрого, спокойного талмудиста. И в то же время чувствовался старый барин. Никогда никуда не спешил, разговаривал медленно и спокойно. Дряхлости не было, но чувствовалась усталость. Читая стихи, преображался, современность порицал. Был недоволен порядком. Большой был хлебосол“». ⁹⁵ К. И. Чуковский спрашивал И. Е. Репина 29 апреля 1927 года: «Любопытно узнать, как относился к Вашему творчеству Фет? Что сказал он о своем портрете Вашей работы? Как восприняла Ваш портрет Марья Петровна (его жена)? Спрашиваю я не из пустого любопытства. Борис Садовской, заканчивая биографию Фета, просит меня передать Вам эти вопросы и умоляет Вас ответить на них возможно подробнее». ⁹⁶

Революция 1917 года и Гражданская война были восприняты Садовским, убежденным монархистом (в соответствии с политическими взглядами боготворимого им Фета), как апокалипсис и крушение всех творческих и житейских планов и надежд. Эти всемирно-исторические события совпали с его личной трагедией — параличом и пожизненной инвалидностью, и виделись ему расплатой за грехи, постигшей, по выражению исследователя, «как страну, так и его лично», и воплощенной «в жесткую конкретность Божьей кары». ⁹⁷ Сборник «Обитель смерти. Стихи» (М., на титуле: Нижний Новгород, 1917) — последняя книга стихов с размышлениями о крушении прежней России: «Россия мертвая в покрове белом! / Над телом кружится железный ворон, / И черви жадные кишат в гробу. // Все умерло и стихло навсегда. / Предания, заветы, честь и слава / Искажены усмешкою двуличной, / Завыл отходную гудок фабричный. / Спешит червей неистовая лава, / И празднуют поминки города. // В родных усадьбах плачутся сычи...». ⁹⁸

⁹⁵ Заметки с кладбища. Из дневника Бориса Садовского — см.: <http://www.sadovskoi.ru/article/zametki-s-kladbishcha.html>; дата обращения: 24.03.2021.

⁹⁶ Цит. по: *Андреева И.* «Чукоккала» и около. С. 57. «Ответы Репина он передавал Садовскому и задавал следующую серию вопросов» (Там же).

⁹⁷ См.: Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому. С. 345.

⁹⁸ Цит. по: *Садовской Б.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. С. В. Шумихина. СПб., 2001. С. 103 (сер.: Новая Б-ка поэта; малая серия). Стихотворение «Черви». Сохранилось издание этого

Испытывая мучительный душевный кризис, Садовской дважды пытался покончить с собой, нашел опору в Библии и творениях Святых Отцов — в мае 1921 года нижегородский епископ Варнава (Беляев; «юродивый епископ») исповедовал его и помог воцерковиться.⁹⁹ С этого события начался период искупления грехов, «внутренней эмиграции» Садовского. В конце 1928 года ему удалось перебраться в Москву, где, благодаря участию А. Н. Толстого, писатель вместе с женой получает приют — жилое помещение в подвале одной из церквей Новодевичьего монастыря, превратившегося в филиал Исторического музея, это помещение станет его жильем до конца жизни,¹⁰⁰ себя он теперь будет называть «добровольным монахом эпохи перед Антихристом». Новая реальность не очень жаловала некогда знаменитого поэта и критика: получая крохотную пенсию и находясь в нужде, весной 1932 года он начал распродавать архив и библиотеку. В списке продаваемых книг значились «Вечерние огни» Фета (с автографами); позже автографы (Пушкина, Гоголя и Фета) были проданы в Гослитмузей за 1500 рублей.¹⁰¹ Садовской поддерживал отношения с давним товарищем по Нижегородскому дворянскому институту М. А. Цявловским, который привлек его к участию в подготовке тома деловых «нетворческих» записей и заметок Пушкина («Рукою Пушкина», 1935).¹⁰²

сборника с дарственной надписью Б. В. Никольскому на титуле: «Борису Владимировичу Никольскому с неизменным уважением, преданностью и любовью. Автор» (см.: <https://www.litfund.ru/auction/279/168/>; дата обращения: 24.03.2021).

⁹⁹ См.: *Проценко П. Г.* Биография епископа Варнавы (Беляева) // В небесный Иерусалим: История одного побега. Нижний Новгород, 1999. С. 274. См. также: *Письма Блока к Садовскому*. № 85. С. 87. 30 марта 1921 г. Садовской писал О. Г. Шереметевой (урожд. Чубарова) из Нижнего Новгорода: «Живу я в тихой кабинетной обстановке. Пишу, читаю, думаю. Время для меня остановилось на 1916 году <...> Вам как другу скажу, что весь я без остатка растворился в православии и им одним жив. Вера спасла меня и примирила с моим вывихом. Горячо советую Вам прочесть книгу Флоренского „Столп и утверждение истины“ — она мне очень помогла» (цит. по: *Садовской Б. А.* Морозные узоры. С. 456. Приложение. Из переписки Б. А. Садовского с О. Г. Шереметевой).

¹⁰⁰ См.: *Шумихин С.* Писатель из Новодевичьего монастыря // Садовской Б. Лебединые клики. М., 1990. С. 460—463.

¹⁰¹ См. письмо В. Д. Бонч-Бруевича к Садовскому, запросившему «неимоверную» сумму за эти автографы, с предложением продать их значительно дешевле; Садовской вынужден был согласиться (см.: *Шумихин С.* Практика пушкинизма (1887—1999) // Новое литературное обозрение. 2000. № 1 (41). С. 200, см. также с. 166—169).

¹⁰² См.: Там же. С. 151. Фамилия Садовского несколько раз встречается в книге (см. указ.). В 2016 г. аукционный дом «Литфонд» продал за 44 000 рублей сборник Садовского «Позднее утро. Стихотворения. 1904—1908» (М., 1909) с дарственной надписью автора: «Старинному приятелю-о-<днокласс>нику в воспоминание да-

В советский период Садовской написал множество произведений,¹⁰³ большая часть их оказалась затеряна или вовсе утрачена по разным издательствам и ходатаям в безуспешных попытках автора опубликоваться, среди них: неизвестные романы «Современник» (о некрасовском журнале и 1860-х годах), «Первое марта», «Охота», «Евгений Ардашев», пьеса «Федор Кузьмич», поэма «Последняя любовь», воспоминания об издательствах «Золотое руно» и «Мусaget» и др.; несколько повестей и романов увидели свет лишь после смерти автора.

Итак, в имеющемся фетоведческом активе Садовского, помимо многочисленных скрытых и явных упоминаний о поэте в письмах, записках, дневнике, статьях, рецензиях, стихах и прозе, мы имеем: очерк «Фет» в сборнике «Русская Камена» (1910); фетовскую часть в книге «Ледоход», а также статью «Фет в портретах»;¹⁰⁴ наконец, к этому списку следует добавить утраченную рукопись книги — «А. А. Фет. Жизнь и творения», в полном объеме подготовленную исследовате-

леких детских дней, объединивших нас около священного пушкинского жертвенника, Мстиславу Александровичу Цявловскому. Борис Садовс<кой>. 4 апреля 1909. Москва» (см.: <https://www.litfund.ru/auction/15/184/>; дата обращения: 24.03.2021).

¹⁰³ См.: Шумихин С. В. Садовской Борис Александрович. С. 448—449. В сборнике «Лебединые клики» (1990), изданном Шумихиным, опубликованы лишь четыре из восьми очерков книги «Русская Камена» и небольшая часть статей из «Ледохода». По справедливому мнению современного исследователя, «особенно огорчительно, что из последнего так и остаются не перепечатанными интересные работы о Фете (за исключением второй части этюда „Легенда“ и „Ива“, помещенной нами в „Болдинских чтениях“ в 2016 году)» (см.: Изумрудов Ю. А. К вопросу об издании литературного наследия Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 182. См. также: Садовской Б. «Легенда» и «Ива» (фрагмент) / Публ. Ю. А. Изумрудова // Болдинские чтения 2016 / Сб. трудов конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 282—284).

¹⁰⁴ Возможно, имелась еще одна статья, посвященная Фету (1926), о которой упоминается в письме Садовского к Цявловскому из Нижнего Новгорода от 23 июня 1926 г. «.....„Записки“ мои, по-видимому, напечатаны не будут <...>. Еще справься, пожалуйста, у Гроссмана, пойдет ли моя статья о Фете. Ежели нет, возьми ее у него и пришли вместе с записками» (см.: Шумихин С. Практика пушкинизма. С. 161); заглавие и местонахождение статьи неизвестны. В письме речь идет о прозаике, поэте, литературоведе, пушкинисте Л. П. Гроссмане. Удалось найти сведения об этой статье: 8 февраля 1926 г. Гроссман упоминает о ней в письме к Садовскому: «Статья о Фете представляется мне подходящей к напечатанию (я ее еще не получил и сужу по заглавию) — думаю, что ее удастся устроить» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. № 47. Л. 3). Незадолго до этого, 19 ноября 1925 г., Гроссман предлагал Садовскому собрать статьи о Фете в отдельную книгу: «Мне представляется <...> если б Вы выделили статьи о Фете из „Ледохода“, прибавили к ним бы что-либо новое (неизданную статью, материалы и проч.), такую книгу можно было бы устроить» (Там же. Л. 1 об.).

лем для издательства «Мусагет» в 1913 году, которой не суждено было выйти в свет. Ее местонахождение по сей день остается неизвестным.

Отвечая в январе 1941 года на поздравление К. И. Чуковского с 40-летием литературной деятельности, Садовской сообщал, что закончил роман о М. Ю. Лермонтове,¹⁰⁵ что последние 25 лет провел «„наедине с собой“, не покидая кресла, и приобрел зато такие внутренние сокровища, о каких мечтать не смел. Былые мои интересы <...> перед нынешним то же, что горошина перед солнцем: форма одна, но в содержании и размере есть разница».¹⁰⁶

Отдельная большая тема, выходящая за пределы данной статьи, — Садовской как выдающийся мистификатор. Обладая незаурядным талантом стилизатора, он блестяще имитировал чужие приемы и создавал идеальные мистификации, вошедшие в научный оборот (стихи и «Солдатская сказка» А. Блока, стихи Некрасова, С. М. Кравчинского, Есенина, письмо А. П. Чехова и др.), некоторые подделки были раскрыты только недавно.¹⁰⁷ Трудно согласиться с мнением исследователя, что эти мистификации можно рассматривать с двух сторон: «как своеобразную месть редакциям и всему официальному литературному миру, для которых Садовской словно перестал существовать», или «как жест утопающего в водах Леты», чтобы «хоть таким сомнительным способом напомнить будущим поколениям о себе».¹⁰⁸ Возможно, в какой-то мере эту склонность объясняет наблюдение А. Блока, занесенное им в дневник: «...не принята во внимание злоба Садовского, в которой есть творческое» (запись от 27 декабря 1911 года). Хочется думать, что мистификации были «пробой пера» Садовского на заданную самому себе тему, «игрой в бисер», а возможно, игрой в пародии; честолюбие, деньги, месть оказались побочным и едва ли запланированным результатом.

¹⁰⁵ Речь шла о романе «Пшеница и плевелы», который увидел свет лишь в 1993 г.

¹⁰⁶ Цит. по: *Записки*. С. 106. Сблизились они в конце 1913 — начале 1914 гг. Садовской часто жил на даче Чуковского в Куоккале. Об их отношениях см.: *Андреева И.* «Чукоккала» и около. С. 49—61.

¹⁰⁷ О разоблаченных мистификациях Садовского см.: *Шумихин С.* Мнимый Блок? // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 736—751; см. также: *Садовской Б. А.* Встреча с Есениным / Публ. и коммент. С. Шумихина // С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 335—433; *Эльзон М. Д.* О «Воспоминаниях» Н. И. Попова и их авторе // *РЛ*. 1982. № 3. С. 205—206; *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 95; *Изумрудов Ю. А.* «Блоковская» мистификация Бориса Садовского // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2014. № 6. С. 199—204; *Сухих И.* Об одном письме и одном поэте: Еще одна мистификация Бориса Садовского? // *Текст и традиция*. СПб., 2014. Вып. 2. С. 26—36; *Единожды солгавши: к вопросу о корпусе мистификаций Б. А. Садовского*: <https://mitrius.livejournal.com/834235.html>; дата обращения: 24.03.2021.

¹⁰⁸ *Шумихин С.* Писатель из Новодевичьего монастыря. С. 459.

Следует заметить, что Фет никогда не становился объектом мистификации Садовского, между тем современники отмечали стилизацию и устойчивую зависимость его поэзии от фетовской. Фет становится персонажем внутренней жизни поэта и исследователя. Приведем некоторые из его снов (1942 год), которым Садовской придавал большое значение и скрупулезно фиксировал: «У Фета на Плющихе. / Выходит он в коричневой паре, здоровый, коренастый; дышит тяжело. / Молодой человек, половиной лица похожий на Цявловского, представил меня. / Бросаюсь поцеловать Фету руку. / — Уж больно ты порывисто целуешь; скромнее надо, — качает головой Полуцявловский. / — Скромно целуют только у высочайших особ. / Фет смеется, берет мою руку и крепко, с одышкой жмет. / Один миг — и мы в Воробьевке. Вдруг я превращаюсь в Фета, но он исчез не совсем и порой появляется; при нем я опять становлюсь собой». ¹⁰⁹ Фет часто возникал в снах Садовского. «[Дверь на почту то и дело хлопает. Мне уже известно, что скрывается за ней. / Так и есть: на деревянной скамейке задыхается маленький, дряхлый, как лунь седой Фет в черном суконном картузике. / Сию минуту он умрет / 1939]». ¹¹⁰ Героя третьей (неопубликованной) части повести Садовского «Побеги жизни» (1913), студента университета Петю Борисова (alter ego автора), посещает ночное видение: «Незаметно очутился Петя на Плющихе. Там, подле аптеки, белел небольшой двухэтажный дом; потертый герб еле виднелся на фронте. <...> из парадной двери вышел торопливо старик в тяжелой шубе и шапке. Белая широкая борода и карие глаза в покрасневших веках показались странно знакомы Пете. <...> сделав несколько легких, подпрыгивающих шагов, призрак поднялся и полетел в занявшемся вьюжном ветре <...>». ¹¹¹

К концу 1920-х годов постоянные физические мучения и вынужденная неподвижность изменили мировоззрение Садовского. Преодоление «светской» культуры, судя по дневнику, давалось ему не легко. По наблюдению Шумихина, «мировоззренческий кризис переживался Садовским с 1929-го по 1933 год и закончился полным отрицанием „внешнего мира“, в котором ему все явственней слышалась поступь князя мира сего. „Я перехожу окончательно и бесповоротно на церковную почву и ухожу от жизни. Я монах... Православный монах эпохи «Перед Антихристом»“». ¹¹² Фет стал последним звеном в череде отказов от прежних кумиров и привязанностей — «Прочь, ветхий че-

¹⁰⁹ Садовской Б. Лебединые клики. С. 449.

¹¹⁰ Там же. С. 446.

¹¹¹ Письма Блока к Садовскому. № 83/84. С. 104.

¹¹² Шумихин С. В. Узоры Бориса Садовского // Садовской Б. Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 16—17.

ловец!»: «И какая в сущности разница между Фетом и Некрасовым. Да никакой! Это безбожная литература».¹¹³ Запись в дневнике от 26 июля 1933 года: «И то уж мне скучно становится читать даже Пушкина и Фета».¹¹⁴ К этому времени относится продажа пушкинских и фетовских автографов в Гослитмузей.

* * *

Подводя итоги и оценивая свой долгий и трудный путь, Садовской назвал его «мой путь — От Фета к Филарету».¹¹⁵ Над рабочим столом в подвале Новодевичьего монастыря висела фотография поэта,¹¹⁶ который, несмотря на отказ от прошлых увлечений, остался его привязанностью до конца жизни.¹¹⁷ Приведем отрывок из поэмы Садовского «Любовь» (1910) с посвящением: «Благоговейно любимой тени А. А. Фета» и эпиграфом из поэта: «Близкой души предо мной все ясны изгибы: / Видишь, как были, — и видишь, как быть бы могли бы!»; в поэме дается портретная зарисовка Фета. А также приведем два стихотворения, озаглавленных «Фет» — 1917 и 1929 годов, между которыми прошел мировоззренческий путь Садовского «от Фета к Филарету».

¹¹³ Садовской Б. А. Заметки. Дневник (1931—1934). С. 183, 184. См. также: Садовской Б. Морозные узоры. С. 101.

¹¹⁴ Садовской Б. А. Заметки. Дневник (1931—1934). С. 185.

¹¹⁵ Выражение из дневниковых записей Садовского 1932 г. (см.: Там же. С. 184). Речь идет о митрополите Московском Филарете (Дроздове), собрание проповедей которого («полного Филарета») Садовской получил в подарок от священника Сергия (Лебедева); наставлениями Филарета Садовской руководствовался каждодневно (см.: Анчужова Т. В. Из Серебряного века в «Обитель смерти» // Садовской Б. А. Морозные узоры. С. 474—501).

¹¹⁶ Вероятно, речь идет о фотографии из собрания Садовского, о которой он пишет: «Сильное впечатление оставляет предсмертный снимок неизвестного фотографа, не имеющий печатных копий. На портрете изображен дряхлый старик, измученный одышкой, с воспаленными слезящимися глазами» (Садовской Б. Фет в портретах // Наше наследие. 2008. № 85. С. 114). В стихотворении «Самовар в Москве» описывается тот же портрет Фета: «Мерещится тогда дыханье старины, / И оживает все, чем комнаты полны. / В картинах, в грудях книг шевелятся их души. // Вот маска Гоголя насторожила уши, / Вот ожил на стене Кипренского портрет, / Нахмурился Толстой, и улыбнулся Фет, / И сладостно ловить над пылью кабинетной / Былого тайный вздох и отзвук незаметный» (Садовской Б. А. Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 90).

¹¹⁷ В 1929 г. в Предисловии к книге Д. Кузнецова Садовской писал: «В творчестве, как и в жизни, бывают явления самобытные, т. е. возникающие органически», к ним «относятся средневековые рыцари, Москва, поэзия Фета» (см.: Кузнецов Д. Елизавета, или Повесть о странных событиях жизни моей. М., 1929. С. 4).

Могила Б. А. Садовского на Новодевичьем кладбище в Москве.
Современная фотография

ЛЮБОВЬ

<...>

Дневной рубин давно блеснул алмазом
И, задыхаясь, исчезла тень кустов.
Хозяин на балконе. Нынче разом
Он перевел четыреста стихов;
С одышкой, щурясь воспаленным глазом,
Сложил словарь, собрал тетрадь листов,
И, утомясь от пристальных занятий,
Встал в парусиновом своем халате.

Гримасой морща ястребиный нос
И бороду белеющую глядя,

В большой бинокль он смотрит на покос,
Бормочет про себя и слышит, глядя,
И сена дух, и сладкий запах роз.

<...>

Старик обломком был времен суровых,
Той невозвратно схлынувшей волны
Понятий здравых и людей здоровых,
Что, воспитавшись в нравах старины,
Обычаев не жаловали новых.
Среди глубокой сельской тишины,
Поклонник верный музыки и природы,
Он думал, жил и чувствовал — вне моды.

<...>

И вновь склонился он над Марциалом.
Меж тем багряный опустился круг.
«Клубятся тучи, млея в блеске алом».
Гул табуна вдали пронесся вдруг.
Восходит ночь с росистым покрывалом.
Но девственные пальцы белых рук
Все по бумаге бегают проворно
И при свечах огромен профиль черный <...>

1910¹¹⁸

ФЕТ

В моих мечтах не поздним старцем
Ты грустно смотришь на зарю,
А скачешь юным ординарцем
К великодушному царю.

Как часто всадник вдохновенный
Припоминал на склоне лет
Тот миг, когда в игре военной
Монарху предстоял поэт.

В степи сошлись владыки мира,
И вот, без гимнов и литавр,

¹¹⁸ Садовской Б. Морозные узоры. С. 26–27; впервые: Садовской Б. Косые лучи. Пять поэм. М., 1914. С. 38–39. Эпиграф, приведенный Садовским по памяти с неточностями, взят из стихотворения Фета «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...», 1851.

С державой сочеталась лира
И с нежной розой строгий лавр.

1917¹¹⁹

ФЕТ

Ко мне ползли стихи твои,
И я следил их переливы,
Узоры пестрой чешуи
И прихотливые извивы.

Но, от небесного огня
Взорвавшись в сердце без ответа,
Как пепел, пали на меня
Стихи спаленного поэта.

Обуглен вдохновенный лик.
Лишь на стене со мною рядом
Угрюмо хмурится старик
С безжизненным, потухшим взглядом.

1929¹²⁰

¹¹⁹ Садовской Б. А. Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 109. В стихотворении воспроизводится эпизод из воспоминаний Фета о службе в Кирасирском Военного Ордена полку и эпизоде царского смотра перед Николаем I в 1852 г. (см.: *РГ*. С. 533—536; см. также рассказ Фета «Не те»: *Фет. ССДП*. Т. 3. С. 121—126). В альбом Садовского был вклеен портрет Фета в офицерской форме как эталон «военной красоты»; вероятно, это один из портретов 1850-х гг., о которых Садовской упоминает в своей статье об иконографии Фета: «...в первой половине пятидесятих годов появляется несколько фотографических снимков в гвардейской уланской форме. К той же поре относится портрет в николаевской шинели, работы глухонемого Гампельна. По этим изображениям можно видеть, что Фет был в молодости очень красив собой» (Садовской Б. Фет в портретах. С. 113). Оригинал портрета кисти К. К. Гампельна (1857—1858) утрачен. Фотография его сохранилась в Литературном музее ИРЛИ (см.: *ФетСб(3)*, фронтиспис).

¹²⁰ Садовской Б. А. Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 147—148.